

Бризин Корпс

ЦЕЛЫЙ МИР ВНУТРИ

Не нравится реальность?
Создавай свою

Бризин Корпс

Целый мир внутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611345

Аннотация

Книга о девочке, желающей сбежать из действительного мира, и о подруге, помогающей ей в этом. Однако вместо свободы Катя оказывается в заточении внутри себя самой.

Содержание

1	5
2	12
3	15
4	22
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Целый мир внутри
Не нравится реальность?
Создавай свою
Бризин Корпс

© Бризин Корпс, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1

Перед небольшим магазинчиком битый час стояла чистая черная машина. Когда видишь такие машины, рот будто сам по себе открывается и закрывается, произнося ясно и четко одно лишь слово: «вау». Но что делает здесь подобной красоты автомобиль? Зачем ему стоять напротив входа в захламленный магазинчик?

Наверное, стоит уточнить, что это за авто и кому оно принадлежит. Тогда станет все понятнее.

На чистых черных средствах передвижения – от самоката до аэробуса – с пустыми номерами на них на всех разсамокачиваются-разаэробусиваются сотрудники Отдела Наблюдения – ОН. Понять, чем занимаются сотрудники этого отдела, нетрудно: они наблюдают. Наблюдают за людьми. Эти чистые черные машины – они везде. Они стоят напротив парков, напротив домов, напротив школ. Напротив магазинов и аптек. Они повсюду. Их двери не открываются без лишней надобности, но, когда открываются, то непременно лишь для того, чтобы на задние сидения поместить какого-нибудь неправильно поступающего индивида.

Дверь именно этой чистой черной машины, стоящей напротив именно этого небольшого магазинчика, открылась несколько минут назад, выпустив женщину, одетую в те же цвета – то есть, цвет. Черный.

Водитель сидел совершенно неподвижно. Могло показаться даже, что он не дышит. Думалось, что ему настолько неинтересно все вокруг, что и дышать не стоит. А может быть, он просто отличный работник, который не отвлекается ни на что постороннее, пока это самое постороннее не коснется лично его. Мир вокруг – это мир вокруг. Ничто, кроме самого тебя, тебе не должно быть интересно. Это – одно из правил водителя ОН.

Факт открытия задней чистой черной двери, последующее впихивание туда нечто предположительно человеческое, закрытие оной двери и тот же самый дверезакидной процесс спереди – это либо не было замечено, либо качественно забылось-заблокировалось-удалилось. Исчезло за ненадобностью.

Мозг – не Вселенная, и пространство памяти не бесконечно. Поэтому стоит дорожить каждым местом внутри, не давая постороннему права усидки.

– Имя назови, – коротко и безэмоционально приказала севшая вперед женщина. Она быстро достала планшет с листом на нем и ручку, приготовившись записывать. Задержанный ею индивид не был удостоен и взгляда после заточения внутри чистого черного авто.

Нечто человеческое пододвинулось немного ближе, оторопело посмотрело на водителя и сотрудницу ОН.

– Вы кто вообще такие? – нечто человеческое, судя по голосу, было женского пола. Сотрудница быстро что-то черк-

нула на листе.

Если бы этим «кто» было дозволено проявлять эмоции, они наверняка изумились бы. Однако им не было это позволено, и женщина в черном только лишь повторила приказ.

– Вильгельм Десятый! – ядовито усмехнулась задержанная. Сотрудники ОН не замечают ни сарказма, ни иронии, ни чего-либо еще, и Вильгельм Десятый, несмотря на несоответствие с отмеченным ранее полом, был записан на листок. Девушка крайне изумилась и всмотрелась сначала в ухо неподвижно сидящего водителя, потом в лицо не понимающей юмора леди. – Ребят, вы что, сумасшедшие? – спросила она, одновременно будучи практически стопроцентно уверенной в получении положительного ответа, и несколько обьятой сомнением. На всякий случай она слегка отдалилась. Кто знает, что придет в голову этим двум? Вдруг они безумно засмеются, начнут гадать, любит ли их Вильгельм Десятый или не любит, вместо листков из ромашки вырывая друг другу зубы.

Если бы кто-то посторонний (обыкновенный человек, не сотрудник ОН) слышал бы все это, у него бы моментально отвисла челюсть. Он бы пришел в психбольницу и слег бы с превеликим удовольствием, потому что отвечать в таком духе кому бы то ни было, кто служит в Корпорации Мира и Спокойствия, – это просто крайняя степень безумства.

Женщина не проявила никакого интереса, кроме делового. Она подняла голову и задала очередной вопрос:

– Место жительства, год рождения, – она немного подумала и, снова опустив глаза на листок, прибавила: – вес и рост.

Вильгельм Десятый, казалось, опешил.

– П-простите? – искренне изумилась представившаяся сей персоной девушка.

Сотрудница ОН повторила вопрос как ни в чем не бывало.

– С какой это, собственно, стати вам понадобилась информация о моем весе и росте?

Сотрудница внимательно посмотрела на нервничающую особу на заднем сиденье.

Штаб ОН не полнился глупыми людьми, работающими, как роботы, и задающими одни и те же вопросы, не обращая внимания на отказы в ответе. Они просто выполняли свою работу, однако, натыкаясь на сопротивление, спешили решить проблемы. Если гора не идет, как говорится.

– Данные о весе и росте необходимы в связи с причиной вашего заключения, – спокойным голосом скандировала дама в черном. И она снова собралась повторить вопрос, однако ее перебили:

– А на каких, кстати говоря, основаниях я задержана?

Работник ОН посмотрела на задержанную даже несколько удивленно. Какая странная личность! Неужели она действительно не понимает элементарных вещей?

– Вы задержаны, – после секундного молчания отвечала служащая. – На основании нарушения пункта раздела «Питание» Правил.

– И что это, черт бы вас драл, означает?

Снова секунда удивления. Наверное, попалась какая-то сумасшедшая с синдромом золотой рыбки. То есть, с памятью, размером три секунды. Не успела нарушить правило, а уже забыла об этом.

– Данный пункт, – голос звучал как одноголосая озвучка фильма непрофессионалом. – То есть пункт «о Покупке Еды» раздела «Питание» гласит: «в любое время дня и ночи продукты питания любой калорийности имеют право покупать лица, имеющие низкий ИМТ (17 и ниже). В период с 10.00 до 20.00 продукты, калорийностью не превышающие необходимую дневную норму, имеют право покупать лица с оптимальным ИМТ (18—23). Лица с высоким ИМТ (24 и выше) имеют право на покупку только диетического питания в период с 10.00 до 18.00». Вы нарушили закон, в 8.23 намереваясь приобрести плитку молочного шоколада и пачку круассанов с карамельной начинкой. Однако ранее упомянутый пункт ранее упомянутого раздела дает понять достаточно ясно, что право на покупку продуктов питания в любое время имеют лишь лица с низким ИМТ.

Слушающая этот бред девушка после окончания речи не могла произнести ни слова. Она сидела, раскрыв рот от непонимания и неверия. В голове ее вертелись лишь две мысли: кто спятил, она или они? Не могут же люди всерьез издавать подобные законы! Когда вообще был принят столь глупый?

– Когда вообще был принят этот дурацкий закон? – перефразировал Вильгельм.

Сотрудница изумлялась все больше. Возможно, она тоже начала подозревать, что кто-то из сидящих в машине безумен. Может быть, виною тому был водитель. Слишком уж он молчалив и спокоен.

– Правила были отредактированы и опубликованы вчера.

– Чего?

Задержанная откинулась на сиденье и схватилась за голову.

– Что за дебилизм я наблюдаю? – стонала она. – Что за чушь вы тут несете? Что происходит? Почему вы держите меня тут? Почему я разговариваю с вами? – она убрала руки от лица на несколько мгновений. – Так и знала, что не стоило пробовать травку! – воскликнула она в неистовстве и бессилии. – Ну зачем я только согласилась?

Женщина-сотрудник в молчании ожидала конца припадка своей пленницы. Когда восклицания и сетования прекратились, дама вновь подала голос:

– Скажите ваш вес, рост, дату рождения и адрес местожительства.

– Да гори ты в аду, чертова идиотка! – в слезах крикнула допрашиваемая. Но тут же ответила: – 76 килограммов. 169 сантиметров. 17 лет. Остального не дождетесь. Еще домой явятся придурки всякие, и мама мне мозги вынесет своим занудством по этому поводу.

Женщина какое-то время еще записывала, отмечала, что-то подправляла в листочке. Потом развернула планшет к Вильгельму и, протянув ручку, указала на место под испи-санным бланком.

– Подпишите, пожалуйста, – менее официально прогово-рила она. – Здесь и тут. Подпись подтверждает, что вы осо-знаете, за что я вас задерживаю. Прошу заметить, что к на-рушению пункта «о Покупке Еды» также прибавлен пункт раздела «Поведение», – поймав недоумевающий взгляд за-ключенной, служащая пояснила: – то есть пункт «о Сквер-нословии» раздела «Поведения».

Вильгельм Десятый, пребывая в полнейшей прострации, чисто автоматически подписал протянутую бумажку. Звуки, похожие на «что за чертовщина? Это все сон, сон...», выле-тали из слегка приоткрытых губ.

Сотрудница ОН забрала планшет и положила его на коле-ни. Поправил волосы и кинув быстрый взгляд на водителя, она дала тому добро на движение.

5.55.

Оставалось еще пять минут до подъема, однако Катя уже не спала.

Последнее время она почему-то просыпается до того, как услышит звонок будильника. Она не чувствует дискомфорта, который обыкновенно возникает в этой связи у остальных людей. У нее не портится настроение. У нее не начинает болеть голова и не появляются мысли, как бы всем умереть прямо сейчас...

Нет.

Не имеет значения, на сколько минут ранее Катя открывает глаза и прогоняет свой сон в далекие дали от себя, она всегда чувствует себя огурчиком.

Она села на кровати и попыталась привыкнуть к темноте. Потом пожала плечами и включила лампу. Нет смысла к чему-то привыкать, если это вскоре поменяется. Рано или поздно свет надо было зажечь.

«Интересно, на кой черт вообще придумали будильники?» – подумала юная леди, посмотрев на циферблат, прорезающий яркими зелеными цифрами темень вокруг и дающий понять, что сейчас 5.57.

«Если бы все люди могли просыпаться, как я, – продолжила она свои размышления. – То будильники были бы не нуж-

ны».

Катя посидела неподвижно секунды две и кивнула в ответ на эту мысль, внутренне соглашаясь сама с собой.

«Можно было бы запрограммировать людей, как, собственно, эту штуковину. Мозг — это ведь очень странная вещь. Кто знает, что с ним можно вытворять... А вот было бы очень полезно вытворить именно это».

В ее глазах вспыхнул огонек азарта. Катя протянула руку к ящику прикроватной тумбочки и, выдвинув его, достала оттуда блокнот и ручку. Раскрыв блокнот на пустой странице, девушка вспомнила, как она начинала его писать еще давным-давно. Сначала она набросала:

Идеи.

Подумав, она подчеркнула:

Идеи.

Еще немного подумав, она дополнила:

Идеи Вселенского масштаба.

Привычно согласившись с собою кивком головы, Катя записала первую идею. И потом постепенно, день ото дня список все увеличивался и рос, хотя и в малой прогрессии. Блокнот толстый, так что в него вполне могут влезть самые-самые масштабные задумки, хотя на данный момент в нем была всего-то пара-тройка фразочек. Может быть, однажды ей удастся заполнить весь этот блокнотик своими нововведениями?

Раскрыв ручку, Катя добавила к написанному еще один

пункт:

Пошаманить с человеческим мозгом. Сделать так, чтобы люди могли запрограммировать себя на подъем с утра в нужное им время.

Будильник зазвенел.

Катя хлопнула по нему рукой. «Какие же ужасно мерзкие звуки издают эти устройства! А вот с мозгом бы все было не так!»

И, в который раз согласившись со своим суждением, Катя пошла завтракать.

Чистая черная машина начала движение и двигалась так мягко, что сидящая внутри заключенная даже и не заметила, что куда-то начала уезжать.

Когда же она обратила внимание на окружающий ландшафт, автомобиль уже притормаживал, заворачивая на парковку около Корпорации – пожалуй, самого большого здания в мире на данный момент. Да и навсегда.

Как только все трое прибыли на место назначения, женщина осторожно вышла из салона и, открыв дверь со стороны Вильгельма, пригласила данную личность проследовать за собой. Что та не преминула сделать, потому что сил на сопротивление у оной просто-напросто не хватало. Рот был открыт в изумлении. Брови давным-давно сошлись на переносице. Глаза выражали одновременно совершенно невероятную смесь эмоций, состав которой описывать я не берусь ввиду невозможного колорита.

Сотрудница не проронила ни слова с момента подписания задержанной вынесенного ей приговора. Работа была выполнена. По крайней мере была выполнена та ее часть, в ходе которой требовалось шевелить языком. Теперь же этого не требовалось. А если не требуется – значит, запрещается. Одно из двух.

Водитель остался в салоне. Его работа заключалась только

лишь в постоянном пребывании внутри автомобиля. До самого окончания срока службы.

Женщина же тем временем вела Вильгельма в здание Корпорации.

Ах да, здание.

Наверное, тебя интересует его вид и все такое прочее, что обыкновенно интересует людей при упоминании чего-то, о чем они не имеют ни малейшего представления?

Оно большое, как уже упоминалось. Не просто большое, а чертовски огромное. То есть оно огромное настолько, что вряд ли способно вместиться в ваше сознание.

Если попытаться сосчитать его этажи, стоя на земле, – то потеряешься в облаках и сойдешь со счета где-то на восемьдесят-мне-не-хватает-обзора этаже. Так что лучше и не пытаться это сделать. Бессмысленно. Что странно – под землей нет ни одного этажа. Казалось бы, что за несуразица? Разве возможно нечто подобное? Разве здание не обвалилось бы, склонившись под грузом давящих на него законов физики?

Я не конструктор, не архитектор. Я лишь описываю то, что есть, не решаясь давать свою оценку тому или иному замеченному мною объекту или субъекту. Я жму плечами, не решаясь искать ответы на ваши вопросы.

В ширину же Корпорация раскидывается на столько, что невозможно было увидеть ничего, кроме нее.

И, конечно же, оно квадратно. По крайней мере, такое создается впечатление, когда на него смотришь. Ты предста-

ешь словно бы перед огромным холстом черного цвета. Эдаким квадратом Малевича в масштабе несколько тысяч к одному. То есть это не увеличенное подобие обыкновенных жилых домов – нет и нет. Это непомерно огромный квадратный ужас, обойти который просто невозможно. И именно поэтому по всей его площади перемещаются лифты: они ходят и вправо, и влево, и вверх, и вниз – как в «Чарли и шоколадная фабрика». И очень быстро. Однако, как и чистые черные машины, абсолютно неощутимо.

Подойдя к одному из входов в этот идеально сконструированный ад, женщина наклонилась перед сканирующим устройством, подставив ему свой глаз.

Вильгельм хранил молчание.

Он не заговорил и после входа вовнутрь.

Если снаружи Корпорация представлялась чем-то вроде сплошной черной стены, то внутри это было нечто сродни бесконечному морю ярко-синего. Ярко-синие стены, потолки, полы, столы, стулья... Даже сотрудники были одеты уже не в черные костюмы.

Пленница посмотрела на свою сопровождающую и открыла рот еще шире (он не закрывался с самого начала движения автомобиля ОН). А причиной тому был тот факт, что костюм этой самой сопровождающей тоже не был черным – он был ярко-синим. Бесспорно.

Девушка посмотрела на себя. Если бы мускулы лица были бы более эластичными, если бы кожа была более гибкой,

если бы костей в лице не было, то... вполне вероятно, точнее даже – совершенно очевидно, что челюсть Вильгельма сейчас валялась бы на безупречном белом полу. Причиной же этого являлся факт абсолютной наготы. Задержанная была совершенно голой. Она встала как вкопанная посреди зала, пытаясь (понятное дело, безуспешно) хоть как-то прикрыться своими маленькими ладошками.

Женщина остановилась и пару секунд безмолвно понаблюдала за этой сценой. Ее терпение иссякло, и она спросила:

– В чем дело? Почему вы не следуете за мной?

Девушка дрогнула и сумасшедшими глазами посмотрела на спрашивающую.

– Вы что, ослепли?! – ее голос срывался так, словно связки катались на американских горках – то вниз, то вверх. – Я же голая!

– И что вас смущает?

– Я не уверена, – саркастично начала девушка. – Но, быть может, то, что я ГОЛАЯ. Я СТОЮ ГОЛЫШОМ НА ГЛАЗАХ У ЛЮДЕЙ.

– Почему вас это смущает? – женщина готова была удивиться.

– Я СТОЮ ГОЛЫШОМ НА ГЛАЗАХ У ЛЮДЕЙ В ЗДАНИИ, НЕ ИМЕЮЩЕМ НИ КОНЦА, НИ КРАЯ В МИРЕ, НЕ ИМЕЮЩИМ НИ НОРМАЛЬНОСТИ, НИ СМЫСЛА. Я КАК ЕВА В ЭДЕМСКОМ САДУ, ЧЕРТ БЫ ВСЕХ ВИЛА-

МИ ИСТЫКАЛ!

Сотрудница ОН оставалась хладнокровной. Однако почему-то она стала чуть более разговорчивой, нежели вне стен Корпорации.

– Не понимаю, к чему так горячиться, – практически пожала плечами она, не спуская глаз с арестованной. – Это стандартная часть. Вы получите свою робу, если пройдете дальше. Простой здесь ничего не решит. А смущаться нет смысла – сотрудники не обращают внимания на нарушителей. Обращают же только в исключительных случаях и проявляют интерес не более, чем исключительно профессиональный.

Вильгельм был немного успокоен, но ему все равно не очень-то верилось в только что произнесенные слова. Правда, особенного выбора не было. Либо идти далее за этой странной особой, либо стоять нагишом на обозрении у несметного количества работников данной близко-к-бесконечной Корпорации.

Поначалу медленно, но уже скоро в разы быстрее пленница пошла за своим изувером. Так же скоро она сумела представить, что она по-прежнему одета и что никто на нее не смотрит. Со вторым дело пошло на ура, ибо ее либо на самом деле не замечали, либо старались не замечать, либо искусно претворялись, что не замечали. Это немного успокаивало. Не настолько, чтобы почувствовать себя вновь в своей тарелке, однако все-таки достаточно.

В следующие несколько секунд работница ОН и Вильгельм неслись сквозь здание Корпорации в прозрачном лифте. Если Вильгельм и надеялся избежать неловкости пребывания в чем мать родила хотя бы в этом местечке, то все надежды его разбились о белизну под ногами.

— Куда мы едем вообще? — наконец решилась поинтересоваться девушка. — Я уже молчу насчет того, где мы, почему мы здесь и что за фигня творится вокруг, но... но мне действительно хотелось бы узнать хотя бы то, что меня ждет еще.

— Мы едем в кабинет Опроса. Далее, когда вас опросят, вы посетите кабинет Осмотра. Когда вы пройдете осмотр, вы посетите кабинет Психографии. После вас ждет составление протокола в кабинете Составления Протокола. В кабинете Вердикта вы узнаете, что вас ждет впоследствии (то есть какой срок и где вы будете отбывать, а также что вы будете делать во имя искупления вины). На конечном этапе, согласно Вердикту, вам выдадут униформу, отправив вас в назначенное место.

Не имело никакого смысла, будет ли она против всего этого, не будет ли. Не имело никакого смысла, закричит она сейчас или откажется идти. Было ясно только то, что она попала в какую-то несуразицу. Она оказалась в каком-то параллельном мире. Это уже более-менее стало ясно.

Либо она просто сошла с ума, что вероятнее. Но тогда противиться лечению еще бессмысленнее. Тогда в буйстве нет резона, тогда надо подчиниться.

И, прикусив язык, Вильгельм бесшумно выдохнул, сми-
рившись со своей судьбой.

Тостер выплюнул два поджаренных ломтика хлеба. Аккуратно достав их и положив на тарелку, Катя уселась завтракать.

На кухне сидела только одна она, потому что в такой ранний час все остальные члены семьи еще спят. Отцу с матерью на работу вставать только в 7:00. Соответственно, и брат поднимают тоже примерно в это же время. Одна она с шести утра на ногах: ей, видите ли, нравится добираться до колледжа самой, на автобусе, хотя работа родителей находится в той же стороне и ее всегда норовят подвести, но Катя ни в какую не соглашается, объясняя это тем, что, как будущий социальный работник, она очень заинтересована наблюдением за людьми. А где, как не в общественном транспорте, можно проследить за ними, попытаться взглядеться в их души, прочитать их характер по выражению лица?

Чтобы никого не будить, Катя закрыла дверь и только после этого включила телевизор на как можно меньшую громкость.

Она любила смотреть с утра новости: ее интересовали события вне зависимости от их сферы и рода. Будь то экономика, политика или простейшие аварии на дороге – Катя с увлечением вслушивалась в каждое слово репортера. Она вгрызалась в хрустящие тосты зубами, а в телеэкран – глазами.

Сегодня с утра вещал самый нелюбимый Катин журналист – он был приезжим, в его голосе ясно слышался акцент, и это заставляло слушающую его девушку ерзать на стуле от неудовольствия.

– Зараза, весь аппетит перебил, – бурчала она себе под нос, как ни в чем не бывая поедая кашу и тосты.

Самое раздражающее было то обстоятельство, что не было никакой возможности переключить канал. Нет, то есть фактически это было вполне возможно. Для кого угодно, но не для Кати, ведь новости с утра – это то, без чего она ни при каких обстоятельствах обойтись не могла. Кто-то не может обойтись без посещения McDonald'sa каждую неделю, кто-то – без любимого человека, а Катя – без утренних новостей.

Она скорее бы отказалась от завтрака, а также от обеда и ужина, нежели согласилась бы пропустить эту невероятно важную частицу своего дня.

Недовольно ковыряя ложкой кашу, Катя хмурилась и думала очередные мысли.

«В чем-то Гитлер был прав, – со странного предложения начала она свои размышления. – Конечно, не в сжигании людей, но... но он был прав, желая сделать весь мир единым государством с единым языком и едиными правилами».

Немного помолчав внутри себя и будто взвешивая эту идею, Катя отправила еще одну ложку завтра себе в рот.

«Не было бы никаких войн, – продолжила она спустя

мгновение, так и не вытащив ложку и зажав ее вместо этого губами. – Была бы одна валюта без всяких глупых курсов и скачков на биржевых рынках. Или можно было бы ее вообще убрать. К чему деньги в едином государстве?»

Глаза Кати засияли, она улыбнулась и вознаградила себя еще одним куском тоста.

«С другой стороны, – на полуоткушивании подумалось ей. – Отпала бы надобность в переводчиках и лингвистах... хотя... это даже к лучшему, – она качнула головой, что делала всегда при соглашении с самой собой. – Не надо было бы изучать другие языки. Их бы ведь просто не было! Появилось бы больше свободного времени, которое можно было бы потратить на что-то более полезное. Стало бы проще общаться вообще, – Катя посмотрела в телевизор и снова поморщилась. – Ни у кого бы не было больше акцента».

Взяв паузу в умозаключениях, Катя некоторое время старалась игнорировать произношение репортера и мирно завтракать, однако вскоре ей пришла в голову еще одна мысль, и девушка сконцентрировалась на ней.

«Было бы еще лучше, если бы в учебных заведениях не приходилось изучать то, что впоследствии не пригодится... Ведь тригонометрические формулы в магазине не применишь? Ведь тот факт, что ты знаешь, что происходит на каждой из фаз митоза и мейоза ничего не дает при подстрижке газона? Ведь, смотря на Солнце, ты не думаешь о том, сколько градусов на его поверхности?»

Прервав утреннюю трапезу на половине, Катя рванула в свою комнату и, плюхнувшись на кровать, взяла ручку, открыла блокнот и сделала новые записи:

Создать единое государство с единым языком и едиными правилами.

На основе выбора самого человека учить его тем наукам, которые ему будут нужны впоследствии. Азы, важные для обыденной жизни – то есть математика, чтение, правописание и некоторые другие – обязательны для всех. Остальное – только по выбору. И человек имеет право менять набор изучаемых предметов в зависимости от своего собственного желания.

Поставив точку и прочитав написанное, Катя удовлетворенно улыбнулась, снова закрыла блокнот и пошла доедать свой завтрак.

Кабинет ничем не отличался от всего остального здания – то есть он был совершенно однотонным от пола до потолка, включая все в нем находящееся, но исключая лишь сотрудника Корпорации, потому что цвет краски был белым, а не синим, как в коридорах.

Облаченный все в тот же синий костюм, что и работница Отдела Наблюдения, этот молодой человек, на лице которого нельзя было прочесть ничего совершенно, сидел и с абсолютной безэмоциональностью, чисто механически читал разложенные на столе бумаги и что-то подписывал то тут, то там.

Когда вошел псевдо-Вильгельм, сотрудник механически посмотрел на него, отодвинул бумаги на край стола и, образовав пальцами двуручный кулак, так и не спускал глаз со своего гостя.

– Садитесь, прошу вас, – спустя какое-то мгновение предложил он, указывая на стоящий напротив его рабочего места идеально белый стул. Вошедшая конфузилась. И не мудрено конфузиться, когда стоишь обнаженная перед незнакомым человеком, а тем более – мужчиной.

Подавив в себе порывы негодования, возгласы изумления и крики бешенства вперемешку с дичайшим желанием забиться в угол и умолять объяснить, что происходит вокруг, Вильгельм воспользовался предоставленным ему предложе-

нием и сел, направив свой взгляд прямо в лицо своему новому мучителю.

– Что ж, – сказал тот, наконец опустив глаза и покопавшись немного в разных кучах бумаг на своем столе. Наконец найдя то, что искал, он снова посмотрел на задержанную. – Вы, как вам уже известно, находитесь в кабинете Опроса. В процедуру опроса входит сканирование сетчатки глаза, путем которого можно узнать всю истину от и до, не прибегая к расспросам арестанта. В случае несовпадения ранее данных вами сведений и полученных в процессе сканирования сетчатки, будут заданы дополнительные вопросы. Факт несоответствия...

– Подождите-подождите, – прервала заключенная. – А если я прямо сейчас скажу вам, что несоответствие будет?

Во взгляде сотрудника скользнуло напряжение.

– В каком смысле? – уточнил он. – Вы хотите признаться, что соврали?

– Ну, если это нельзя назвать как-нибудь помягче, то, скорее всего, да – я хочу признаться, что я соврала.

Мужчина слегка приподнял брови, будто недоумевая и даже несколько сомневаясь в адекватности своей собеседницы.

– Факт несоответствия будет занесен в протокол какотягающее обстоятельство согласно пункту «об Обмане» раздела «Поведение», – он вновь посмотрел в глаза Вильгельму. – Ваше признание или непризнание не сыграет никакой роли. Факт вины невозможно умалить словами.

Он подождал, ответит ли на его слова мучимая им личность, но, так и не дождавшись ответа, занялся приготовлениями к опросу. Осмотрев стол, он пододвинул чуть ближе к себе какое-то странное устройство, чем-то напоминающее то, к которому подносила глаз спутница первых ее этапов заключения.

Установив все, как надо, кое-где кое-что прощупав для верности, сотрудник Корпорации искусственно улыбнулся своей визави.

– Поднесите глаз к вот этому разъему, – показал он на круглый разъем. – И не моргайте буквально... вот и все. Ждите.

Пленница уже не протестовала. Она смирилась со всем происходящим.

Да, наверное, она просто-напросто переборщила с дозой наркотических веществ... Иначе как еще можно объяснить всю происходящую чушь?

«Ничего, – попыталась она утихомирить непонимание и панику внутри себя. – Скоро все пройдет. Ничто не вечно. Вот и это скоро кончится».

Мужчина тем временем что-то писал. Он не смотрел больше на Вильгельма. Получив все важное, он с какой-то чуть ли не одержимостью принялся за свою работу. Присутствуй в его теле, разуме, душе или где бы то ни было хотя бы намеки на чувства и эмоции, его пальцы наверняка тряслись бы от возбуждения, в его глазах наверняка отплясы-

вал бы адский огонь, а его кровь наверняка отплясывала бы в венах жигу. Однако ввиду отсутствия всяких там переживаний и прочего этот индивид был совершенно спокоен, исполняя свои функции быстро и качественно, без сбоев. Как робот какой-то.

– Хорошо, – вскоре повернулся он к сидящей напротив девушке. – С Опросом мы закончили. Теперь вам на Осмотр.

– А... – попыталась что-то спросить арестантка. – Вы не скажете мне, где и какие еще несоответствия вы нашли? Или, может, вы хотя бы дадите мне информацию относительно того, сколько мне светит и что мне светит вообще, если быть уж до конца откровенными? Я ведь совершенно не могу понять, почему я нахожусь... – она осмотрела помещение полубезумными глазами, силясь подобрать правильное слово, но dokonчила только: – здесь?

Мужчина все так же безынтересно улыбался.

– Я делаю только то, что мне положено делать. Вы спрашиваете меня о сферах, в которых я ничего не смыслю. Я знаю только то, что делают при Опросе. Больше – не в моих интересах, – он снова подождал ответа, но, снова не дождавшись, попрощался, скалясь все так же: – прощайте.

Пока девушка шла до двери, ее мозг, отчаянно вцепившись в только что услышанное, мало-помалу начинал проводить анализ всего происходящего. Пока выводы было рано делать, но начало им было уже положено.

Стоило посетительнице этого невероятного здания вый-

ти из кабинета Опроса, как она не встретила, хотя и ожидала встретить, свою компаньонку. Это произвело двоякий эффект: с одной стороны, было как-то несподручно остаться без какой-либо компании в этом повернувшемся вокруг своей собственной оси здании этого повернувшегося вокруг своей собственной оси мира; с другой же – от факта ненахождения рядом еще одного двинутого на голову человека становилось как-то легче.

Искать кабинет Осмотра Вильгельму не пришлось – тот чудесным образом нарисовался прямо перед глазами. То есть действительно – прямо напротив. Буквально в нескольких сантиметрах. И нет, ничего не двигалось само собой, ничего не перемещалось в пространстве, не меняло своего положения, как лестницы в школе Хогвартс. То была сама де-вушка, а точнее ее ноги – они в тайне от своей хозяйки привели ее к нужной двери.

Считая излишним стучаться в двери к кому бы то ни было (ведь какой же смысл проявлять такт к людям, сошедшим с ума?), Вильгельм вошел внутрь.

Здесь все было совершенно так же, как и в прошлом кабинете – даже стол, казалось, ничем не отличался: на нем будто даже те же кипы листов были. Вот только лицо за этим столом было другим.

Не дожидаясь приглашения, вошедшая сама себя усадила напротив нового своего изувера и начала буравить его лоб своим взглядом. Ощувив или не ощутив это, но в любом

случае подняв свою голову, мужчина улыбнулся (точь-в-точь так же, как предыдущий). Но только в лице этого уже можно было заметить неглубокие бороздочки морщин, тогда как у прошлого такого не примечалось.

– Здравствуйте, – поприветствовал работник. – Вы, как вам уже известно, находитесь в кабинете Осмотра. В процедуру осмотра входит обследование наружное и внутреннее. Внутреннее обследование проводится путем просвечивания вашего тела рентгеном. На основе полученных данных сгенерируется ваша медицинская карта (на время пребывания в месте для провинившихся). Сведения о вашем здоровье важны для вынесения Вердикта, они непосредственно влияют на решение, какую работу вам назначить, – закончив свой спич, сотрудник воззрился на Вильгельма в ожидании ответа. Не получив его, он продолжил, склоняясь над бумагами и роясь в них: – раз у вас нет ни вопросов, ни возражений, тогда встаньте.

На сколько она могла судить, Осмотр был не чем иным, как проверкой у хирурга, педиатра или кого-то там (уже и не упомнишь их всех), которого надо было посещать раз в год на диспансеризации вместе с классом. А ей-то вот подумалось, что с окончанием школы и эти мучения кончатся, – однако не тут-то было. Мало сказать, они не кончились, так и само обследование проводят в каком-то совершенно непривычном мире.

Встав в стандартную позу (ноги на ширине плеч, руки рас-

кинув), осматриваемая постаралась не покраснеть, как рак, и не ударить при первой же возможности этого недоврача по его холодным пальцам. Но надо было терпеть. Он вроде как не обращает особенного внимания на тот факт, что перед ним – совершенно голая особа. Это было и радостно, и обидно.

Тем временем «доктор» осматривал и прощупывал представленное тело очень тщательно. В его глазах можно было бы разглядеть какую-то безумнейшую радость, чуть ли не счастье. Он был настолько доволен наличием работы, что принялся за ее исполнение с редчайшим фанатизмом. Хотя... вполне возможно, что и не таким уж редчайшим: похоже, что у всех в этой Корпорации работающих мозги на работе сдвинулись. И куда-то завалились.

– Пройдите вон туда, – оторвавшись наконец от своего занятия, проговорил мужчина и указал на стоящий у левой стены аппарат. Это механическое устройство представляло собой нечто подобное рентгену, только, насколько можно было судить, эта вещь просвечивала сразу все тело, а не только какую-то его часть.

– А... – неловко начала девушка, с опаской глядя на рентген 2.0, как она обозвала его про себя. – Мне говорили, что рентгены для здоровья опасны... а эта вот... м... штука... она выглядит очень... – слова не шли на язык, и этим воспользовался собеседник.

Он посмотрел на спрашивающую взглядом, вполне кон-

кретно выражающем вопрос: «в своем ли ты уме, дамочка?» и, внутренне, видимо, убедившись в отрицательном ответе, пояснил для дамочки вслух:

– Какие-то старые рентгены, может, и были опасны, но это, – он ласково погладил «это» и с блеском в глазах и улыбкой на лице, продолжил: – это чудо науки. А чудо науки не может причинять вред!

Не сказать, чтобы эти восхваления убеждали, но другого выхода все равно не было.

Пожав плечами, Вильгельм Десятый занял место внутри этого механического нечто, а работник Корпорации тем временем сел за свой стол и начал что-то писать. Как только на его столе появились еще и снимки Вильгельмовского организма, он, казалось, разошелся так, что мог бы тут же и взорваться. Удивительно, как некоторым людям нравится их работа! Невероятно, что кому-то она может нравится НАСТОЛЬКО.

Выйдя из временной кунсткамеры, мучимая тихо подошла к своему прежнему месту и села, как-то сочувственно поглядев на трудящегося в поте лица человечка. Она вздохнула.

Мужчина замер. Какой-то миг он не шевелился вообще, но после, подняв глаза на девушку, он улыбнулся холодной, ничего не выражающей улыбкой и произнес:

– Спасибо. Вы свободны. Следующий процедура – психография. Прощайте.

Все они – что первый, что второй – прощались с ней. Они не говорили «до свидания». Они именно прощались.

Раньше, когда кто-то говорил «прощай», в голове не возникало мысли о том, что этого человека больше не увидеть. Как-то получалось само собой, что это прощание опровергало само себя. Поэтому слово износилось, потеряло смысл, перестало нести ту энергетику, которую оно должно было нести.

Услышав его сейчас во второй раз, девушка обернулась – мужчина работал все так же, он не поднял глаза и не посмотрел на свою уходящую посетительницу.

«Вот в такие вот моменты начинаешь понимать, что слова имеют вес» – подумала она, открывая дверь и стараясь не упасть под тяжестью услышанных «прощайте».

Осталось три кабинета. Три совершенно одинаковых между собою кабинета с различием единственно в людях внутри белых стен очередного помещения. Хотя процедуры до сего момента не занимали много времени (от силы минут пять), однако тот факт, что проходить их приходилось в полном неглиже, не мог способствовать зарождению оптимистических мыслей и уж точно не растягивал улыбку от уха до уха в радостном предвкушении очередного этапа.

На этот раз арестованная не заметила не только то, как подошла к следующей двери, но и то, как та открылась, впуская визитершу в свое идеально вылизанное и, казалось, отполированное нутро.

– День добрый, – услышанное приветствие вывело Вильгельма из задумчивости ощутимым ударом прямо в лицо. Потерявшись от неожиданности, он только кивнул и сел, повторив ту же самую операцию, что и в двух предыдущих кабинетах.

Сознание, как бы то ни было странно, не хотело полностью возвращаться к арестантке. В то время, как очередной сотрудник объяснял ей, что ее ждет, она отвлеченно думала о чем угодно другом, но только не о том, что надо было.

А рассказывал этот юноша (а в этот раз это был не кто иной, как именно юноша) следующее:

– Вы присутствуете на... – он сбился на самом начале, поняв, что говорит не то, что нужно. Сразу можно было понять, что это не профессионал, как предыдущие два, а еще довольно «зеленый» сотрудник, как говорится. Пробежав быстро по строкам, написанным им в виде шпаргалки на одном из листков, и снова посмотрев на невнимательную посетительницу, он продолжил: – вы, как вам уже известно, находитесь в кабинете Психографии. – Позволив себе слегка улыбнуться и спокойно выдохнуть, но тут же собравшись с духом, «зеленый» заговорил внушительнее, слегка возвысив свой голосок: – В процедуру психографии входит просвечивание мозга специальным устройством, работающим по принципу рентгена, только... только... – бедолага совсем сбился с мысли и воззрился в пол, будто надеясь найти потерянные слова лежащими внизу, но, поняв безуспешность

данной затеи, взялся чуть увеличенный в размерах шлем и, снова направив взгляд на находящегося в какой-то своей атмосфере Вильгельма, повысил голос еще немного и начал тыкать в устройство с разных сторон, объясняя: – Этот шлем, он позволяет просветить голову... то есть не голову, а мозг... точнее... – он посмотрел на то, что держал в руках, тыкнул куда-то в бок, отчего то самое вылетело и упало на стол, загремев, как обвалившаяся скала.

Раздавшийся звук привел в себя заключенную, и она недоуменно посмотрела на краснеющего все больше и больше парнишу. Он сидел без движения и даже не дышал. Испугавшись, девушка протянула к нему руку и прикоснулась к его щеке.

– Вы в порядке? Живы? Не отравлены? – попыталась она задать какие-то умные вопросы, но, сама того не подозревая, повела себя совершенно по-идиотски и тоже покраснела.

Осознав, что неловкость ситуации создает не только он, новоявленный работник Корпорации откашлялся и, махнув головой, скидывая тем самым протянутую теплую ладонь со своего обжигающего лица, повторил без запинки, совершенно как то надо было изначально:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.